

Было что-то успокаивающее в ее глазах. Она словно впивалась в меня ими каждый раз, как я в них заглядывал. Легко и нежно. Я видел в них отражение собственного блаженства и был полностью уверен, что она сейчас только здесь и только со мной, что в ее голове не возникнет ни одной посторонней мысли, кроме как обо мне. Ее белая кожа была нежнее, чем обычно, или же я чувствовал ее такой, опьяненный ароматом, исходившим от нее. Ее голова лежала на подушке и утопала в длинных и густых черных волосах, а ровное и мягкое дыхание застилало мой слух. Она медленно извивалась подо мной с грациозностью только что очнувшейся, но еще грезящей последним сном, кошки. От того во взгляде у нее можно было заметить хищнический огонек, способный околдовать любого, кто в него заглянет.

Со мной такое было впервые. До этого я никогда не ощущал в себе чувство, будто меня приворожили. Если же это была лихорадка, то очень приятная и безболезненная. Мне с трудом удавалось понять свое собственное желание, принять все как есть и одновременно удержать его в себе, что бы оно не покидало меня как можно дольше. Для всех остальных в ее глазах не было ничего особенного, зато туман, застилавший все передо мной, был вызван именно ими, и я в этом ни на миг не сомневался. От этого я становился податливым – моя сила воли в отношении нее резко ослабела. В данный момент мне казалось это совершенно нормальным.

Мы перевернулись, и теперь я лежал на спине, вдыхая аромат ее волос, свежий, будто раннее летнее утро на берегу реки, когда сквозь толщу тумана только-только пробиваются солнечные лучи, заставляя блестеть капли росы. Она склонила свою голову надо мной и начала что-то нашептывать про себя с нежным и ехидным придыханием, вглядываясь в мои одурманенные глаза. Я не понимал ни единого слова, каждый звук, тихо доносившийся из ее уст, был чужеродным для меня, но я кротко вслушивался в них. Наклонившись ко мне немного ближе, она продолжала чуть слышно бормотать, замолкая лишь на момент поцелуев. Наконец, ее губы практически вплотную прильнули к моему уху и выплеснули последние слова, предназначенные для меня и только для меня. Нежный голос затих и по нам пробежал легкий холодок. Мы оба почувствовали его. Я – в ней, она – во мне.

Нам доводилось встречаться и раньше, у наших общих друзей (к слову сказать, у нее их было не много), но общаться подолгу не случалось. О ней я знал немного: ей было двадцать три; у нее были чешские корни (ее бабушка, будучи еще совсем молодой, после войны приехала сюда и вышла замуж); она не отличалась словоохотливостью и желанием всенепременно выделяться среди других; скромная в одежде и образе жизни, вряд ли она имела врагов или даже недоброжелателей. И еще один факт – она была девственницей.

Она продолжала обнимать меня. Ее тело было покрыто испариной, а на лице появилась довольная кошачья улыбка. Я чувствовал в ней едва ощутимую и весьма приятную дрожь, которая словно перетекала в меня крохотными разрядами электричества. Запах хвои и озона наполнил комнату, так незаметно. Свежесть, которая сейчас ощущается лишь в глухом лесу, оторванном от злобных и удушливых мегаполисов, после грозы, ударила мне в голову. Я на

мгновение потерял сознание. Очнувшись, посмотрел на дверь, которую обрамляла рамка света, пробивавшегося из соседней комнаты, а за ней была мешанина из людских голосов, смеха, музыки и шагов. Она стояла возле окна уже одетая и сворачивала свои чуть влажные волосы в пучок, вглядываясь в ночную синеву и звездное небо, где властвовала Луна, точно так же как она сама только что безраздельно повелевала мною. Ее глаза-искорки бросили на меня беглый взгляд, она почти на цыпочках подошла ко мне, прикоснулась правой рукой к моей щеке и поцеловала, легко коснувшись своими губами моих. То было легким и ароматным послевкусием. Она ничего не сказала на прощание, но я знал, что все произошедшее здесь будоражило ее не меньше, чем меня. С ее выходом ранее неподконтрольная мне внутренняя стихия начала угасать. Через несколько минут я почувствовал себя так, словно долгое время прибывал в заложниках чужого сна и мгновение назад вырвался из него.

Остаток вечера я провел в легком похмелье от случившегося, изредка ловя на себе взгляд моих друзей, догадывавшихся о том, что происходило за дверью. Добравшись до дома, я, все еще находясь в полном непонимании, рухнул на кровать, даже не раздевшись, и уставился в потолок с одной единственной мыслью: что же все-таки произошло?..

...Я люблю ее. Нет, не ту, что минувшей пятницей вырвала меня из моей реальности и, испив до дна, отпустила на волю, как хозяин выпускает из клетки канарейку и приказывает ей лететь подальше от него. Мы вместе уже более года и скоро она собирается окончательно переехать ко мне, как только улягутся дела с переездом ее родителей в другой город. Я всегда был с ней честен, буду честен и в этот раз. Сегодня вечером мы с ней встречаемся, и я уже знаю, что будет ссора, знаю, что мне достанется по полной, знаю, что она знает о произошедшем на выходных, о том, чему я сам никак не могу найти объяснение, и к чему я уже окончательно охладел. Осталось только выветрить эти события из памяти. На это нужно время, а у меня его нет. Я не знаю что делать.

Уже вечер и я тороплюсь домой. Моя любимая не берет трубку и мысленно я готов к самому худшему – она подойдет и врежет мне со всей силы, не дав сказать ни единого слова, после чего я ее никогда не увижу. Чем ближе я подходил к своему дому, тем сильнее начинал дрожать, и тем меньше слов крутилось в моей голове. Я бы все отдал за то, что бы потерять дар речи в этот момент, он мне не нужен, ведь мне нечего сказать девушке в ярости набросившейся на меня, изливающей всю горечь своей обиды.

Мне не было больно от ее ударов. Она била кулаками мне по груди, словно пытаюсь достучаться до чего-то или до кого-то внутри нее, но там была пустота. Мне было больно от ее слез. Она плакала, как в последний раз в этой жизни, ее плоть разрывал мой обман, а я стоял и молча смотрел на это, съедаемый чувством вины. Она сказала, что ненавидит меня, но не ее, что это я во всем виноват, а не она, та, которая была со мной два дня назад. Сказать что-то сейчас мне было бессмысленно – от любых оправданий боль моей любимой стала бы еще более нестерпимой. Раньше мне не приходилось ощущать как сильны ее чувства, теперь я точно знал, что хочу прожить с ней до конца своих дней.

Теперь я знаю, что мне есть, что терять на этом свете, а приобрести что-то большее, чем то, что у меня уже есть сейчас, нельзя. Я влюблен. Я понял это только мгновение назад.

После припадка ярости она немного отошла от меня, встала и, закрыв лицо руками, заплакала:

- Что я такого натворила, что бы заслужить это? Почему это происходит именно со мной? Ответь мне, не молчи, скажи что-нибудь, посмотри на меня, возьми меня за руку, ударь меня, вонзи мне нож в сердце – сделай со мной все, что ты хочешь, но только не уходи от меня. Прошу, только не уходи. Я не смогу это пережить, представляя как ты находишься в чужих объятиях, как обнимаешь другую, как забываешь мой голос.

Сейчас я видел самую сильную женщину в мире. Она не скрывала от меня своих чувств, ничуть не стеснялась их, открыла мне свою душу и позволила прикоснуться к ней, а я, полное ничтожество, застыл, словно каменный, и не мог проронить ни звука. Вся моя смелость иссякла в одно мгновение, а передо мной бил фонтан чужих чувств, который жаждал мне принадлежать, готовый отдаться мне в любое мгновение – слишком щедрый дар для такого, как я.

Слышать ее голос становилось для меня невыносимой пыткой. Я подошел к ней, приобнял и, не разжимая объятий, начал опускаться на колени. Она стояла, вытирая мокрое от слез лицо, а я практически лежал у нее в ногах и обнимал их. Молчал. Не решился нарушить тишину. Следом за мной она тоже начала опускаться на колени. Я сидел на полу, а в моих объятиях было заключено все, что мне нужно в этой жизни и даже больше. Слышал, как плачет моя любовь, как бьется ее сердце, как ее руки сжимают мои, а я прокручивал в своей голове тот самый вечер, пытаюсь уверить себя в том, что это был дурной сон, кошмар, ворвавшийся невесть откуда в мою жизнь, и чуть не уничтоживший все, что мне дорого.

Она уснула, а я не смел пошевелиться, дабы не нарушить то внешнее блаженство, охватившее нас от того, что сейчас мы были как никогда близки друг другу. Моя спина начала потихоньку затекать. Я приподнялся, обхватил ее, осторожно перенес на диван, не разбудив, и сел рядом. Я просто не мог встать и отойти от человека, который только что раскрылся кровоточащей раной передо мной и вложил свою жизнь в мои собственные руки, которые были недостойны касаться ее.

Прошел еще час, покуда я не решился встать с дивана, пройти на кухню с целью сделать хотя бы один глоток воды. Мне казалось, что в квартире стоит удушающая жара, но то был обман – удушье рвалось изнутри меня, сжав в объятия легкие и горло. Мне было страшно сделать очередной вдох, как будто воздух раскален и уже сжигает мое нутро. Начинало темнеть. Я присел на край стула. Ни одна мысль не родилась в моей голове за все это время. Тишину нарушали едва слышимые шаги. Моя девушка проснулась. Она остановилась на пороге кухни и шепотом разрезала мою душу: «Я ухожу от тебя»...

...Оставшись один, покинутый даже своими собственными мыслями, я ощущал одно лишь сухое жжение в груди, единственное, что напоминало мне о

вчерашней ночи. Ничего больше мне чувствовать не хотелось, ни одиночества, ни угрызений совести, ни боли, ни усталости, ни тоски. Я был чрезвычайно спокоен для человека, у которого не было ничего, кроме вполне осязаемого тумана забвения и грызшего изнутри зноя.

Во рту был странный привкус, будто слой микроскопической песочной пыли заменил мне слизистую. Я поднялся с постели весь в поту, он валил градом, хотя в комнате было не так жарко – часы показывали полседьмого утра. Одежда на мне та же, что и вчера, я так ее и не снимал – мне было не до этого – и она вымокла. Складывается ощущение, что мой организм нарочно силился избавиться от влаги. Вряд ли меня бы это сильно беспокоило, да только я не мог сделать даже глоток воды. Я не мог глотать – все, что попадало мне в рот, было вкуса песка и тлена. Мне стало страшно. Я попытался почистить зубы, но ничего кроме скрипа на зубах не ощутил, отчего меня передернуло. Я готов был закричать в отчаянии от непонимания ничего из того, что сейчас происходило. Я посмотрелся в зеркало, открыл рот – все по-прежнему, я не заметил ничего. И тут тревога незримой и бестелесной рукой начала против моей воли все сильнее сжимать и разжимать мое сердце. Еще никогда мой пульс не был так силен.

Я остолбенел перед зеркалом, ощутив, как только что моя жизнь отделилась от времени и начала свой собственный бег в неизвестную мне сторону. Главный вопрос: «что будет дальше со мной?». Я точно знал, что через полчаса поеду на работу, что вечером вернусь обратно сюда же. Понятное дело, что от этого мне не стало легче – воображение рисовало страшные муки, неторопливую смерть, вызванную легочными спазмами, физическим истощением и безумием. При упоминании последнего у меня начинало темнеть в глазах и тряслись руки. Плевать на все и на всех, только скажите, что со мной происходит!

Я больше не мог находиться в офисе, среди стука клавиатуры, гула кондиционеров и снующих во все стороны сотрудников. Мне было мерзко и противно внутри, словно кто-то грязными и потрескавшимися когтями скреб по моим песочным внутренностям. За полдня я не сделал ничего и никто этого не заметил. А что я теряю теперь? Прощайте, уроды, пусть вас дальше ублажают собственные амбиции, а мне бы дожить до вечера. Конечно, доживу, я был в этом уверен, почти. Я со всех ног спешил к тому, кто, как я полагал, точно мог знать это.

Доктор как язык проглотил. Я думаю, что ему было немного страшно, но не от описанных мною вещей, что зовутся у них симптомами, а от того, что он ни черта не нашел. Мало ли сейчас психов, и вот один из них сидел перед ним, изнывая от жары и духоты, которой не было, вопрошая помочь ему, но непонятно от чего. Это «псих» мог в любую секунду вытащить нож или пистолет и сделать в докторе пару-тройку лишних дырок. Он принял меня за наркомана, которого «ломало» уже не первый день. Дилемма была проста: вызвать охрану и тогда я смогу устроить небольшой беспорядок в холле, напугать пару беременных женщин и тьму стариков, либо – прописать мне какую-нибудь ерунду, лишь бы я отстал. Он выбрал второе, за что я его поблагодарил, зная, что он ни чего не знает. Обидно.

Я сам удивился тому, на сколько благополучно и беспрепятственно покинул поликлинику и добрался до дома, отправной и конечной точки оставшихся мне дней, а может даже часов или минут. Больше я туда ни ногой, снова рисковать не вижу никакого смысла. Если уж помирать, то желательно у себя, а не в отделении. Кстати, хрень, которую мне прописал врач, столь великодушно скрепив рецепт напутствующей речью, оказалась обычным успокоительным. Этого мне только не хватало – успокоиться. Не думаю, что это было подходящим словом. Намного разумней с его стороны было бы прописать мне лекарство от слова «смирись», самого страшного для любого больного. Но я не был болен. Такой болезни не существует, когда держишь в руках только что выпавший и абсолютно здоровый зуб мудрости, а он при сильном нажатии частично крошится на мелкие песчинки...

...Весь вечер я насильно пытался проглотить хоть кусочек пищи – все было без толку, а голод становился сильнее. Мне показалось, что я даже немного успокоился, пульс стал не таким сильным, но каждый удар сердца расходился по телу ощутимой волной. Более всего это давало знать о моем пустом желудке, в такт пульсировавшему с моим сердцем. Невозможно привыкнуть к тому, что невозможно стерпеть, но выхода у меня не было. С каждым биением сердца его словно скручивало и раскручивало. Это было неестественно сильное чувство голода, ведь я не ел всего лишь около суток, а такое ощущение, будто прошла неделя и я нахожусь на пороге голодной смерти.

Пот продолжал выступать градом. Кожа от этого стала размякшей, а воздух в комнате стал затхлым и просоленным. Я немедленно начал открывать окна в надежде на живительный сквозняк, но быстро убедился в том, что это не поможет, как не поможет и принятие душа. Теперь все запахи для меня сводились к одному единственному: что цветы, что уксусная кислота – все одно – песочная пыль. Потихоньку я начинаю терять свои чувства. Пока что только данные мне природой. Я начал бояться за свои глаза, если они однажды перестанут видеть, то это будет означать конец всей моей жизни, пусть даже не в физическом смысле.

Стоило мне только подумать об этом, как тревога сковала меня своими объятиями. Я снова начинал учащенно дышать, чувствуя, как сокращаются мои сосуды, как все вокруг начинает пульсировать. Краски вокруг становились то ярче, то темнее, а стены, пол и потолок – то ближе, то дальше. Комната стала живой, все в ней было в движении, она дышала вместе со мной. Толику спокойствия могло бы добавить то, что я все еще дышу, что воздух вокруг меня самый обычный, которым дышат все остальные. Я знал это, но сам ощущал, что вдыхаю не его, в моем воздухе не содержалось кислорода, но только он был способен заставить меня потерять голову. Теперь это был единственный способ опьянеть. Раз уж вся пища для меня оказалась бесполезной.

Я попытался подняться и дойти до окна. Моих усилий едва могло хватить только на это, учитывая крайнюю степень изнеможения. День был пасмурный, но мне казалось, что все вокруг благоухало так, как никогда раньше. Удивительно, как стоя на пороге смерти, начинаешь воспринимать этот мир, в

нем сразу становится столько красок, что глаза не в силах их различить. Становится важным и нужным пение каждой птицы, а шелест листвы подменяет все остальные звуки. Весь мир представляется блаженным сном, пускай даже за пределами этого сна сплошной кирпичной стеной простирается кошмар, которому нет ни конца, ни края.

Я ощущал трение в моих суставах, как они перетирают друг друга, когда я делаю шаг. Любое мое движение неприятным скрипом рождало непонятную боль. Внутри меня каждый хрящ, каждый сустав начал истончаться. Это не могло быть плодом моего воображения, я физически ощущал, как костная пыль скапливается под кожей в коленях, локтях, запястьях. Руками я начал потирать их, сам не знаю зачем. До этого мне казалось, что кожа стала мягче, чем раньше, но, глядя на свои ладони, я понял, что дело вовсе не в ней. Начало притупляться и мое осязание – любая поверхность, гладкая она была, шершавая ли, живая, не живая начала казаться на ощупь словно камень.

Я по-прежнему смотрел на все это и ждал, когда зрение, последнее, на что я могу положиться, начнет мне отказывать. Я ожидал, что к вечеру весь мир, во всех моих чувствах может обернуться горной породой. Деревья из камня, каменные птицы и каменные люди будут издавать каменные звуки, а воду я перестану чувствовать вовсе, как нечто чужеродное, дарующее только смерть. Для меня перестанут существовать все остальные стихии, противные камню, весь мир потеряет все свои свойства. В существовании окон больше нет смысла.

С еще большим трудом я дошел до ванной комнаты, где открыл кран и поставил под струю воды свои руки. Я не мог точно сказать, горячая она или всего лишь теплая. Теперь уверенности не было ни в чем. Вывернув до упора вентиль с красной отметкой и до конца закрутив тот, что с синей, я снова поднес руки к воде. Тепло. Но не горячо. Глаза встретили взгляд отражения в зеркале, обращенный ко мне, своему прародителю. Присмотревшись, я увидел, что они все еще живы, в них все еще отражаются окружающие огни и предметы. Они еще мои полностью, в отличие от рук, кожа на которых очень сильно покраснела и начала еле ощутимо плавиться. Я одернул кисти от крана и увидел то, что не могло меня не обрадовать. Живая плоть на моих руках. Хоть мне и не было больно так, как могло быть, но это первая радостная новость за прошедшие пару дней. Я был еще жив, пускай чувства каждым нервным рецептором силились разубедить меня в этом.

Я перемотал обе ладони и, не имея ни малейшего понятия, что делать дальше, прошел снова в спальню. Мягкая кровать была взъерошена, но меня это не особо задевало. Было неприятно и боязно находиться на ногах, и я поспешил присесть. Стало чуть полегче бороться с голодом. Он никуда не денется, так же как и сон, который легко мог оказаться последним в моей жизни, или же жизнь могла полностью превратиться в него. Разницы особой не было...

...- Умоляю, ты должна прийти сегодня. Мне очень плохо. Я задыхаюсь, со мной происходит нечто очень странное и крайне необычное. Я не смогу это пережить в одиночестве. Я не пошел на работу, я боюсь идти к врачам, мне страшно показаться на улице, мои друзья ничего не знают, и не должны знать.

Ты теперь единственная, кто может мне помочь, у кого есть власть и силы простить меня, ведь я больше никого не хочу видеть. У меня больше нет сил терпеть все это, я очень болен и не знаю, что с этим делать, как бороться, как пережить. Помоги мне. Я в отчаянии. Я схожу с ума.

Ни слова в ответ. Кто-то дышит на том конце провода. Я знаю, что это моя любовь. Главное, что она меня слышала, но я никак не могу смириться с ее молчанием. Каким оно было: трепетным и нервным или оттенком ледяного спокойствия?

Я не знал, смогли уснуть этой ночью. И был ли это сон или горячечный бред, агония по ту сторону жизни и смерти, где-то отдельно от всего. Я помню жар, сухой и колющий все мое тело, такое тяжелое, что мышцы перестали обладать способностью к движению. Я тонул посреди песчаной пустыни, у которой не было горизонта. Небо было раскалено до красна. Со всех сторон меня окружала песчаная буря. Песок проникал ко мне в глаза, я чувствовал, как он обтачивал мое тело, словно кусок гранита, придавая ему обтекаемую, гладкую форму, человеческий облик. Это было реальней любого сна. Меня жгло изнутри.

Я открыл глаза. Белый потолок смотрел на меня сверху. Чувство голода притупилось, на смену ему пришла боль в животе. Каждое движение стоило мне огромных усилий, но я все же принял сидячее положение. В мой позвоночник как-будто был вставлен штифт, который этому противился. За ночь мое тело будто выжали насухо, и вся вода впиталась в постельное белье и кровать. Едва я попытался встать, и сделать шаг, как чуть было не рухнул на пол. У меня окаменела правая ступня. Твердая и тяжелая как камень, она ничего не чувствовала. Я хотел закричать, но вместо этого из моей глотки вырвалось нечто сухое, хрипящее и сдавленное. Так не кричат, когда больно, так не кричат, когда отчаяние рвется наружу, так не кричат, вглядываясь в безысходность, после такого крика не приходит смерть. Вместо слюны изо рта вырвалась легкая серая пыль. Я хотел заплакать, но глаза, налитые свинцом, только покраснели.

Я приподнялся и прогнулся так, что б потрогать руками свою ступню. Как объяснить то, чего никто никогда не видел? Я терялся в догадках, поглаживая руками ногу. На ощупь, что живая плоть, что камень были одинаковы, с той лишь разницей, что первая была мягче и светлее. Ступня почти полностью повторяла форму живой, настоящей. Непонятно как, но она могла сгибаться в двух местах, где было ахиллово сухожилие и пальцы, которые сами уже были неподвижны. Окаменелость поднялась за ночь практически до икроножных мышц.

Я поднялся на ноги и попытался выпрямиться и зафиксировать свое стоячее положение. Это оказалось не сложно. Следующее – акцентированный шаг вперед правой ногой, поднять которую оказалось не так-то и легко. С усилием, оторвав ее от пола, я перенес ее вперед, опираясь левой рукой о шкаф, и поставил со звуком свалившегося с потолка кирпича. При этом, ступня довольно легко повиновалась мне. Я снова приподнял ногу и попытался согнуть ее в таком положении. Послышался характерный звук трения, и пол над ней покрылся тонким слоем песочной пыли.

Не было ничего зазорного в том, что бы после этого начать скулить как забитый до полусмерти бездомный пес. Я не был готов примириться с тем фактом, что моя жизнь уже не та, что была раньше. Был лишь один ее кусочек, в котором я мог найти спокойствие. И, покуда мои пальцы, вслед за ногами, не начали каменеть, я судорожно щелкал по клавишам телефона, ища самый нужный на свете номер...

...Наступил полдень. Мне уже дважды звонили с работы: сначала мой начальник, потом – начальник моего начальника. Все, что я сказал первому, услышал и второй. Я уволен. Прекрасно. Сожалею, что не смог сделать этого раньше. Никто из друзей не знает, что со мной происходит, так что пройдет еще неделя, как меня хоть кто-то хватится, но я ничуть не расстраиваюсь, что к тому времени уже может быть поздно. Мне больше некуда идти. Я сижу в кресле. Я – неподвижен. Все в порядке, как и должно было случиться. Я уже ничему не удивляюсь. Я всегда был каменным. Мне на многое было плевать, и многим было плевать на меня. Получай свое. Не хочешь плакать? Тогда глаза тебе ни к чему. Не хочешь смотреть на звезды? Скоро твоя шея станет подставкой ноге. Будь проклята эта любовь? Твое сердце и так бьется в два раза медленнее. Хочешь спокойствия и вечной жизни? Камень тебе дарует и то и другое.

Мне нужно было сменить одежду. Странное решение для того, кто уже вынес себе приговор – нечеловек, во всех смыслах этого слова. Надо подняться, но это было уже куда сложнее, чем пять часов назад. Я не смог согнуться в животе и приподнял футболку рукой. Весь правый бок от поясницы до груди загустел и посерел так, что это уже была не плоть, но еще не камень.

Я стоял перед зеркалом и молча наблюдал, как постепенно умираю. Я уже не удивлялся тому, что каменная опухоль расплзлась по моему телу. Это было совсем безболезненно, конечно, если забыть про пульс, бивший уже не больше шестидесяти в минуту и жар, который все никак не отхлынет. А может я обманывал сам себя и мне было чертовски больно от этого. Стоило мне подумать обо всем, что я вскоре потеряю, как я тут же отвел глаза в сторону, на секунду забыв о том, что видел в зеркале именно себя. И снова в окне все было иначе. Бесчувственный мир вновь мне улыбался, а я был его безжизненным олицетворением, впитывавшим в себя все его грехи, обращавшие в камень мое нутро, а возможно и душу. Почему именно я? Кто меня проклял? В чем я виноват, что получил такое в наказание? Кто бы ты ни был, сжался...

...Вплоть до позднего вечера я только и делал, что сидел и ходил взад-вперед по комнате, слушая как хрустят мои новые каменные суставы. Каждый раз, подходя к зеркалу, я замечал некоторые перемены в моем облике: начало каменеть левое бедро, правая нога была каменная уже по колено, левое плечо и предплечье заметно потяжелели, шея уже с трудом поворачивала голову. Кожа моя почти полностью высохла, стоило мне потереть ее, приложив небольшие усилия, как с поверхности начинала отшелушиваться песочная пыль. Больше всего я опасался за свое сердце, которое билось все реже и реже, но сила биения только возрастала. Было такое ощущение, что оно становилось больше



прежнего. Крови во мне меньше не стало, но по тому, как в некоторых местах пульсировали мои вены, я понял, что она сильно загустела.

То же касалось и моих легких, каждый раз сокращавшихся с мерзким и неприятным зудом внутри груди. И чем тяжелее было дыхание, тем более сильным становилось это трение. Я уже не знал, что будет для меня лучше: продолжать дышать так, как сейчас, или же вовсе перестать, когда легкие и сердце окаменеют окончательно. Только вот буду ли жив я?

Ответ на этот вопрос не заставил себя долго ждать. Мое сердце начало каменеть, порождая в оставшейся части живого тела страшную боль. Тысяча игл разом пронзили все сердечные мышцы, стараясь вырваться наружу. У меня никогда не было ни приступов, ни инфарктов, но я уверен, что это ни в какое сравнение не идет с тем, что творилось у меня в груди, которая вздулась от перенапряжения, практически разорвав грудину и переломив половину моих ребер. Оставшиеся мышцы свело единой судорогой, и я с грохотом повалился на пол в полусогнутом положении. Стало еще больнее от того, что я упал на живот. Казалось, что боль сейчас разорвет меня на клочки. Появилась и тут же угасла крохотная надежда на исцеление – почему-то я подумал, что такое колоссальное перенапряжение способно сбить с меня все, что уже окаменело.

И снова самообман. Агония расползлась по каждому кровеносному сосуду. Я вслушивался в удары сердца, одни из последних в моей жизни. Они сотрясали меня, каждый следующий сильнее предыдущего. Глаза мутнели, теперь вся обстановка вокруг меня превратилась в одно бесформенное пятно неопределенного цвета. Вены вздулись, набухшие и упругие, они затвердевали быстрее, чем я мог ощутить – боль моя начала притупляться.

Мое туловище начало деформироваться изнутри. Сдавленный хруст теперь был сильнее сердцебиения. Я чувствовал, как грудь становится все шире, окаменелость росла и заменяла мне внутренние органы, становясь единым и нерушимым монолитом. Я слышал, как хрустят мои ребра, но не чувствовал, словно это был не я, будто тело было чужеродное, не мое.

Нет, боль не исчезла, или же то были лишь ее отголоски, задержавшиеся в моей голове. Как люди лишившиеся конечности, еще чувствовали ее некоторое время, так и я, испытывал муки, которые уже миновали. Я попытался подняться на ноги, напрягая остатки своих мышц, но камень был слишком тяжел, что бы это сделать – тело грохнулось на пол. Я пытался ползти в сторону зеркала, что бы взглянуть на новое творение природы, на себя в новом теле, на то, с чем мне придется жить дальше, ведь я не мог умереть, это не было Раем, но и на Ад не очень смахивало. Хотя, что я мог сейчас разглядеть? Только тени и ничего кроме. Но я не был мертв. Да, сердце больше не отбивало ритм. Теперь это для меня не критично. Камень тоже живой. У камня тоже есть душа.

Я сделал усилие и дополз до середины комнаты в сторону зеркала, как жжение снова охватило грудь, и я против своей воли издал глухой крик. Струя воздуха и песка вырвалась из моих легких под давлением каменной опухоли изнутри. И она тут же заполнила эту пустоту. Это стало моим последним криком и выдохом...

...Я не знаю, как долго я был без сознания. Я не спал, ведь камню сны не снятся. Зрение прояснилось, а из чувств, кроме него, остался только слух. Теперь это все, что мне было необходимо. Приподнявшись, я попытался оглядеться. Звук трущихся друг о друга камней уже не пугал меня. С трудом повернул голову в сторону зеркала и посмотрелся в него. Футболка на мне была разрезана, а не разорвана, что странно. С грохотом бульдозера я перевернулся на бок и сделал попытку встать на ноги и «поймать» свой центр тяжести. Удачно. В зеркале я увидел на две трети каменное тело: обе ноги, вся левая и с плеча по локоть правая рука, плечи, грудь, живот, частично шея. Лицо еще было мое, старое, к которому я привык, которое когда-то было любимым, но волосы на голове начали выпадать.

Зачем было пугаться того, с чем уже смирился? Оставляю это право за окружающими. Я оглядел комнату. Странно, на улице ночь, а ночник включен. Весь пол и вся мебель покрыты песочной пылью, на которой были следы не только моего тела и ступней. Я не мог сильно повернуть голову, так что пришлось разворачиваться всем телом, дабы посмотреть в сторону прихожей. Входная дверь заперта, но кто-то здесь был, я уверен. Три шага и я прошел в спальню, где на полу валялось грязное постельное белье, а на диване, прикрывшись покрывалом, спало мое спасение. Она все-таки пришла ко мне.

В ту же минуту моя любимая зашевелилась. Звуки моих неуклюжих шагов заставили ее открыть глаза. Я ожидал, что она ужаснется от моего вида, но опасения моментально улетучились. Поначалу инертные движения в постели все ускорялись – она вскочила с постели и подбежала прямо ко мне. Обняла. Рядом с ней я понял, что стал заметно крупнее: чуть выше ростом и значительно шире в груди и плечах, руки и ноги так же были толще, прежних, живых. Ее заплаканное лицо было исполнено горечи и сочувствия:

- Я пришла этой ночью и ничего не могла понять. Как ты стал таким, какой сейчас? Что произошло?

Ее руки осторожно ощупывали мое новое тело. Она гладила мои плечи, проводила руками по груди и спине, останавливаясь там, где вместо камня еще было некое подобие кожи и я мог почувствовать сам факт ее прикосновения, но которое не вызывало у меня никакой реакции и не влекло за собой никаких чувств. Она тихо, почти шепотом, продолжала:

- Прости меня, я пришла слишком поздно, я так была зла на тебя. Я поклялась, что больше ни слова не пророню в твой адрес, что ни одной моей мысли не будет о тебе. Но я не сдержалась, я здесь, с тобой, и мне больно видеть тебя таким.

Она положила свою голову мне на грудь и заплакала, закрывая лицо руками. Моя же правая рука, еще полуживая, со свойственным ей звуком трения прикоснулась к ним. Тот же камень. Нет никакой разницы между ее нежной кожей и куском кирпича. От осознания этого душа сжалась в комок. Вот что я потерял: чужое тепло. Она отвела руки от лица и посмотрела на меня. Глаза еще были живы, они пока что могли говорить за меня. Своей правой рукой она дотронулась до моего лица. Ее слезы оказались на моей щеке. Сейчас я был

похож на человека больше, чем когда-либо. Именно она заставила меня почувствовать это. В последний раз...

...Было сильно за полночь, но мы оба не спали. И только для меня это было в порядке вещей. Она же не могла и не хотела закрывать глаза. Я сидел на кровати, она – рядом. Ее руки плавно и необычайно нежно скользили по моему каменному телу. Оно было не рушимо, но мне хотелось думать, что все происходит иначе, что ее прекрасные тонкие пальцы сделают его чуточку мягче и податливее. Замедляя движение своих ладоней, она внимательно ощупывала мои суставы, будто пытаюсь понять, каково это, облачить свое тело в камень. По мне, скорее уж невольно променять. В этот момент я делал легкое движение собственной рукой, издавая характерный звук трения. Сейчас я уже не видел пыли, которая обычно сыпалась из них, что рождало во мне чувство легкого комфорта и спокойствия – истончиться со временем мне не грозило, зато камень притерся окончательно.

Состояние моей спины уже практически полностью соответствовало субстанции, поглотившей все остальное мое тело. Последним, что напоминало моей любимой обо мне, было мое лицо, потерявшее всякое свойство выразить эмоции, даже моргать приходилось с приложением усилий – веки с трудом опускались и поднимались, всякий раз исторгая ничтожные горстки пещинок. Это теперь зовется слезами?

- Прости, но мне нужно уйти не надолго. Уже почти утро, но обещаю, к обеду я снова буду у тебя. Даю слово, я не брошу тебя и буду с тобой до конца.

Она провела рукою по моему лицу. Я кивнул. Внешне безразличное выражение лица скрывало во мне мольбу остаться. Я легонько, боясь причинить ей вред, сжал ее ладонь своей – пальцы позволяли это сделать, ибо степеней свободы у них от метаморфоз не поубавилось.

Она встала, взяла свитер со стула, и он резко «проглотил» ее. Обувь она не снимала из-за покрова пыли в квартире. Я остался сидеть на кровати, боясь показаться в прихожей при открытой двери. Она подошла ко мне и легонько чмокнула на прощание в лоб и погладила по слегка абразивной лысине – волос на голове уже не было, они все выпали еще прошлой ночью.

- Жди, я скоро буду.

Заплаканные глаза не выдавали в ней того, что могло таиться в ее душе. Она боялась за меня. Я слышал, как дверь захлопнулась, но боялся предположить, что навсегда. Теперь меня успокаивали лишь деревья во дворе. Они нашептывали мне свои долговязые заклинания. Теперь они общались со мной на равных или же я на равных мог внимать им.

Приподняв руки, я всмотрелся в свои каменные ладони, ставшие куда больше, чем у любого из людей. Если сжать их в кулаки, то это будут две кувалды, которые без усилий могут раскрошить кирпичную стену. Нет ни отпечатков пальцев, ни ногтей, и непонятно как каменные фаланги держат друг друга. Не доступным для моего, пока еще человеческого, понимания оставалась сам природа моего тела. Оно – сплошной камень, гряда камней сопряженных друг с другом посредством какой-то силы. Это не была технология, это была

именно сила, пришедшая извне, из недр природы, не имеющей объяснения, фундаментально иррациональной. И она сейчас внутри меня. на смену моим суставам и мышца пришли практически хаотично расположенные сопряжения бульжников. При желании я мог отводить руки в те положения, на которые были не способны руки, данные мне при рождении. Я существую, значит и она тоже. Отдельные от всего, только она и я. Как же так могло выйти и почему я не мог с этим бороться? Мир не совершенен, но ему по силам многое. Почему я бездействую?

Только отчаяние заставило меня подняться и подобно бульдозеру, громыхая посреди ночи, пройти в ванную, в которую я уже с трудом умещался, и взять там опасную бритву. Последний шанс удостовериться в своей неправоте – я полоснул ею себе по лицу. На правой щеке от переносицы до мочки уха образовался глубокий шрам, скупно раскрывшийся практически без единой капли крови. Да и кровью это не назвать, скорее, вязкая зернистая субстанция темно-бурого цвета, неспешно заполнявшая рану. Скула разрезана до кости, а на пол не проронилось ни капли. О боли и говорить не приходилось.

Ярость была как раз кстати. Я сжал руку в кулак и что есть мочи вонзил его в стену. Это наверняка услышали все соседи. Стена сотряслась, обрушилась на пол и в ванну практически вся плитка на стене, а в середине ее, где когда-то было зеркало, зияла огромная дыра. Не обращая внимания ни на что, я развернулся и, снова не скупясь на грохот, достал из шкафа ящик с инструментами. Все мои навыки остались, пальцы были столь же быстры и точны, как раньше, и я без труда открыл его и извлек дрель. Жаль, что размеры руки не позволяли правильно ее захватить, но кнопку «пуск» нажать удалось. Жужжание всегда было неприятно, но теперь оно обращено ко мне.

Посмотрим из чего ты сделан, каменный истукан. Проговорив это самому себе, я направил сверло себе на ногу. Мысль: «как наркоман». Скользящий свист разнесся по квартире, искры посыпались в воздух, угасали так и не коснувшись стен или пола. Я надавил еще сильнее, дрель задрезжала в руках, сверло съехало в сторону и разлетелось шрапнелью. Пара осколков оставила следы на моем лице, а основная часть сверла отлетела в стену. Я в бешенстве сдавил аппарат руками, даже не отжав пусковой клавиши. Весь движущийся механизм разорвало у меня в руках, и я дернул этот клубок искореженного металла и проводов в сторону, выдрав вилку из розетки.

Снова стало тихо, только шаги сверху напомнили, что вокруг живут люди, весьма недовольные мною, но им и невдомек, что тут происходит. В дверь постучали – я не шелохнулся. Мужской голос вещал из коридора, что милиция уже выехала. Я ему не верил, он лишь хотел меня припугнуть, в отместку за еще не наступивший, но уже испорченный, день.

Я знаю, что я должен сделать. Должно же быть хоть какое-то средство против моего состояния. Шаг. Еще один. Третий. Вот я уже в комнате. Ночник источает неяркий желтый свет. Я пересекаю песчаную пустыню, и подхожу к окну, что бы открыть его. Квартира сквозная – одна комната окнами выходит на восток, другая – на запад. Одно окно во двор, другое – на небольшую рощу кустарников и небольшую аллею. Его я и открываю. Сквозняк возник

моментально и поднял небольшую песчаную бурю, как в моем последнем сне, обратившемся в реальность. Пыльная дымка в свете тусклой лампочки больше напоминала мне мой дом, нежели та чистая и убранная квартира, что была неделю назад. Я мысленно представил себе гулкой свистящий ветер, как последнее недостающее звено для моего идеального мирка, красовавшегося в воображении. Я дома и вижу его в последний раз. Кто-то снова колотил в мою дверь. Я прыгнул в окно...

...Глупая надежда, что несокрушимое существо разлетится на куски при падении с четвертого этажа на гравий, но терять уже было нечего. Возможно, мне бы повезло, и я свернул бы себе шею, или разбил бы голову, пока еще не окаменевшую окончательно – разрезать-то кожу у меня вышло.

Глухой и тяжелый хлопок эхом разнесся по близлежащим дворам. Мое тело рухнуло прямо у подножия дома. Все вокруг меня померкло. Я погрузился в вакуум, и как бы я ни старался что-либо услышать, у меня ничего не вышло. Свистящий гул в ушах все усиливался, словно звук приближающегося поезда. И шел он на меня с дикой скоростью, а я лежал прямо на его пути. Он был все громче и громче, возрастал бесконечно, но лишь до тех пор, пока я силился открыть глаза. Пошевелил рукой, другой, попытался приподнять голову.

Я увидел два маленьких зеленых огонька. Кошка стояла прямо на моей груди и всматривалась в меня. Она словно видела все насквозь, всю мою прежнюю жизнь, мою сущность, что скрывает ото всех каменное тело. Хладное спокойствие в ее глазах – явный признак того, что она знает кто я такой. Я снова отвел голову назад, и она ударилась оземь. Удалось снова сконцентрировать свой взгляд, на этот раз вверх, прямо на небо, где редкие облака в свете почти полной луны бледно сияли белым и кремовым оттенком. Рядом с моим тусклым окном зажглись еще три сразу – проснулись соседи сверху, снизу и справа. Значит, я лежал недвижимым совсем немного.

Теперь мне нужно было встать. Я нежно отодвинул кошку в сторону своей рукой, приподнялся, и согнулся в груди. Оглядевши свое, тело, руки, ноги, я не обнаружил никаких повреждений. Теперь можно было вставать и идти. Прочь. Куда-нибудь в сторону отсюда, где меня никто не знает и никто не найдет.

Прочно встав на ноги, я огляделся. Тут меня никто не мог заметить из-за кустарников. Сорвав одним движением с себя оставшуюся одежду за ненадобностью, я, облаченный в камень, зашагал в сторону лесопарка. Рядом с местом падения, на первом этаже, начали зажигать свет в окнах, наверняка испуганные, наверняка жаждущие узнать, в чем же дело, жители вглядывались в темноту под их окнами. Возможно, кто-то и заметил мою ускользающую тень. Повезло, они и сами не догадываются о том, кого именно им довелось наблюдать целое мгновение...

...Я неспеша отмеривал свои тяжелые шаги, стараясь идти лишь по мягкой земле, опасаясь выходить на тропинки и заасфальтированные дорожки, где на скамейках даже глубокой ночью можно было кого-то встретить. Несмотря на это, поступь мою никак нельзя было назвать тихой, продираясь иногда

приходилось сквозь густой кустарник, что никак не могло меня остановить или даже хоть как-то замедлить. Попасть под автобус или быть ударенным веткой – все равно.

За мной шла все та же кошка, странного вида. Она сопровождала меня всю дорогу от дома, не издав ни единого звука, а когда я останавливался, она снова впивалась в меня гипнотическим взглядом, внушая мне одну лишь команду: «вперед... вперед...». От нее было легкое свечение, как если бы на кончиках ее шерсти кто-то распылил белый фосфор. Странное видение, я не понимал того, что вижу, но это точно не обман зрения. Я присел, протянул руку по направлению к ней, и она покорно приняла мой жест, в два прыжка взобравшись мне на ладонь. Выпрямившись, я вглядывался в это причудливое создание, при свете дня ничем не отличающееся от всего, что мы привыкли видеть. То, что раньше все принимали за мурлыканье, представляло уже чем-то большим, несущим какой-то смысл, зовущим куда-то дальше, к горизонту восприятия, туда, где все скрыто от обычных людей, и открывается только нам, отличным от остальных.

Начинало светать, и было необходимо найти убежище, что бы переждать день. В городе показываться небезопасно ни для меня, ни для окружающих. Пускай лесопарк находился не в самом оживленном районе города, тем более и совсем небольшого, мне следовало бы укрыться. Кошка спрыгнула с моей руки и грациозно двинулась в сторону, за ней последовал и я, куда менее элегантно, громыхая суставами, без разбору разгребая ветки кустов, заслонявших мне путь.

Я сделал примерно полсотни шагов и резко и с треском провалился в какую-то канаву. Вся моя тяжесть несла меня вниз по ее склону, и, сделав пару-тройку кувырков, я оказался на дне усыпанный землей, старыми засохшими ветками и мусором. Мне повезло, ведь даже при свете дня было сложновато разобрать мой силуэт посреди всего этого хлама, а заглядывать сюда специально вряд ли кто-то захочет. Я пережду тут день, точно решив, что этой ночью обязательно навещу свою любимую, что б в последний раз увидеть ее глаза и услышать голос.

Пока что я слышал только птичьи голоса – единственная улада посреди этой, наверняка зловонной, кучи мусора, разраставшейся не первый год. Приятно закрыть глаза и забыть обо всем. Не воспринимать ничего лишнего, кроме этого пения. Гул автомобилей сюда не пробивался, голоса людей приближались и удалялись. Изредка в мое временное пристанище прилетала какая-нибудь бутылка или обертка, однако, ноты, издаваемые пернатыми, продолжали меня убаюкивать, даже тогда, когда я чувствовал поступь камня, медленно и неуклонно, порабощавшем мое лицо. Я чувствовал, как внутри моей головы что-то набухает и деформируется, этот скрежет едва мог перебить даже окружающую тишину парка, но важен был не он, а сам факт апогея моего перевоплощения. Песок и камень внутри меня готовились торжествовать по поводу победы над моим телом. Свежий шрам, оставленный накануне бритвой, уже затвердел, навечно запечатленный, он будет напоминать мне о моем человеческом прошлом, когда я еще мог трепетать от звуков музыки, чувствовать волнение и усталость, совершать нелепые поступки и потом

краснеть от этого, когда я мог бояться, когда я мог чего-то ждать, когда я мог любить.

Пятнистая тень игриво танцевала по канаве и моему телу большую часть дня, а ближе к вечеру солнце изо всех сил пыталось застилать мне глаза, но я смотрел на него, не замечая никакой боли в них. Не было ни темных пятен, ни бликов, я даже не заметил тот момент, когда перестал моргать. Камень не может ослепнуть, но некоторые из камней могут видеть. Это могло означать лишь одно – я полностью изменил свой облик и теперь, с ног до головы обращенная в каменные латы, моя душа окончательно успокоилась, приняв это как данность, но не как рок неизбежности, неизвестно откуда просочившийся в мое существование, тихое и неприметное еще неделю назад. Тогда я был как все...

...Солнечные лучи обжигали уже только верхушки деревьев, вечернее небо темнело с одной стороны, и становилось оранжевых оттенков – с другой. Мне предстояло идти туда, где оно было темно-синим, но еще рано, слишком рано, что бы начинать двигаться. Было еще время подумать, два-три часа мыслей о смерти, которая так и не наступила. Я – камень, но все еще нахожусь тут, в людском мире. Значит мертвецом меня еще назвать нельзя. Значит, есть еще дорога для меня. Если я переживу эту ночь, то и следующую тоже. Камень – вечен, значит, буду вечен и я? Души ведь не каменеют, хотя про многих можно было сказать и так. Мир вокруг каменеет, но общего с ним у меня ничего нет, а в будущем тем более, когда всюду будет сплошной металл и пластик, внутри и снаружи, когда человеческое сердце станет неотличимо от автомобильного двигателя.

Ночная тень неумолима, она скрыла день от моих глаз и зажгла редкие уличные фонари. Я снова увидел знакомые глаза, смотревшие на меня сверху. Два зеленых маячка вновь готовы были указать мне путь, но я решил повременить с этим, ради прощания с дорогим мне человеком. Поднявшись на ноги, мое каменное тело начало карабкаться вверх, цепляясь за все, что попадалось. Мне повезло, что почва, обрамлявшая канаву, была более менее сухой, а корни деревьев, произраставших рядом, достаточно толстыми, что бы выдержать хотя бы часть моего веса. Я выбрался из этой мусорной ямы и косолапой походкой, чуть волоча за собой левую ногу, которая была больше правой, направился супротив моей серой спутнице. Вновь через кустарник и мало освещенные и исхоженные места, гигантская тень меж деревьев. Жаль, что не бесшумно.

Меня кто-то окрикнул. Голос был грубый. Я не остановился, но на ходу неуклюже повернулся боком. Четверо человек шли за мной, ускоренным шагом. Я знал, чего они хотят. В обычной ситуации я дал бы деру, но только не сейчас. Да и мое тело не позволяло мне бежать, во всех смыслах. Зачем убегать, если догонят? Но вопрос был в другом: зачем убегать, если можешь легко дать отпор десятку таких, как они? С бранью и усмешками, предвкушая очередное развлечение, они догоняли меня, а я не спешил останавливаться, как можно быстрее уводя их от света фонарей. Тень не скрывала моей фигуры, для четверых полупьяных и слишком уверенных в себе уродов это не было

отговоркой не избивать меня. Но им и невдомек, что я весил три сотни килограмм, и одним ударом способен снести каждому из них голову.

Я услышал, как один из них назвал меня клоуном. За этим последовал звон стекла – о мое плечо им была разбита бутылка, «розетка» от которой осталось в его руке. Я резко остановился и быстро, как только смог, обернулся и с разворота кулаком ударил по голове. Он отлетел на несколько метров, чудом избежав еще и столкновения с деревом. Моя правая рука сразу же вцепилась в плечо его друга. То ли это был хруст моих каменных костяшек, сжимавшихся с невероятной для человека силой, то ли его кости ломались быстрее, чем он мог почувствовать. У него не было иного выхода, как вопить от боли. Признаться, сейчас в мои планы не входило оставлять его в живых, как и двух его приятелей, один из которых повалился на землю, впившись в меня бешеными от страха глазами, а другой – бежал так, как-будто за ним гнался сам Дьявол.

Сначала приподняв парня за плечо, я продолжал сжимать его рукою, даря ему боль, которую он запомнит надолго, если переживет ближайшие пять минут. Отшвырнув его в сторону, к обездвиженному секундой ранее другу, я подошел к тому ошарашенному, что уселся на пятую точку, корча гримасу ужаса, и наступил ему на грудь. «Прощай половина ребер», – мог бы я с сарказмом произнести вслух, будь у меня такая возможность. Зато у меня была другая – раздавить его. Он перестал орать и мигом заглох. Его крик деформировался в глухой тяжелый сдавленный стон, а после не стало и его. В тот момент я ничего не ощущал, кроме того, как жалок этот человек сейчас. Я был наказанием для всех них, уроком жизни до конца дней. Я чувствовал власть над собой, над своей судьбой. А что сейчас чувствуют они, кроме боли? Мне это не интересно. Но чувство справедливости не дало мне довершить начатое. Лишить их права дышать – это слишком просто. Что бы они не говорили другим, я и они будем знать правду. Я подарю им вечное чувство вины и сожаления за те грязные, корыстные и безрассудные мысли, что были в их умах, когда они преследовали меня.

Все произошло очень быстро, буквально в несколько мгновений, а я уже шагал прочь, в прежнем направлении. Оглядываться было не обязательно. Я предоставил их самим себе, теперь воля к жизни – их единственный союзник...

...Маленькие города хороши не только тем, что тут многие друг друга знают, и не тем, что воздух чище, а небо прозрачней, но и тем, что ночи тихие и малолюдные. Я практически беспрепятственно пересек среднюю часть города, через темные задворки, не выходя на дороги и тротуары, минуя дворы между домами. Лишь пару раз пришлось переждать, пока шумные компании пройдут мимо или проедет редкий автомобиль, светом фар создав завораживающий театр теней среди деревьев, оживив темноту, обнимавшую мою бесшумную и грациозную спутницу, которой явно не по нутру мое путешествие. Я мысленно ее успокаивал, что скоро, скоро, повинуюсь ее воле и последую за ней, но только не в этот момент, когда мне осталось два квартала до пятиэтажки горячо любимой женщины.



Их мир не идеален, человек в нем не идеален, я – тем более, и ей приходилось меня любить таким, каков я был, но сейчас все совсем иначе. Право на любовь у нас никто не отнимал, но быть вместе означало обречь себя на страдания, которым я предпочитал память о моментах боли, слезах радости, молчаливых обидах, горьких разочарованиях и приступах счастливого смеха. Все это было и будет со мной так долго, как только возможно. Мне нужно было уйти и дать возможность взглянуть ей вперед, прочувствовать другой мир. Без меня он станет чуть-чуть другим, но отнюдь не меньше. Для нее ничего не закончится, но начнется заново.

Я подошел к ее дому со стороны пустыря. Выбора не было: либо так, либо к парадному входу, где все освещено фонарями. Любой, кто имел возможность выглянуть в окно смог бы разглядеть мой силуэт даже в темноте. Риск был велик, но оно того стоило. Окно на третьем этаже источало блеклый и голубоватого оттенка свет. Оно молчало, не выражая признаков хоть какого-то движения по ту сторону прозрачного пластика. Я оглянулся себе под ноги в поисках маленького камешка, что бы броском возвестить о своем приходе. Только бы рассчитать с силой.

Удалось неплохо. Она раздвинула занавески и вгляделась во мрак. Я увидел знакомый силуэт, но он тут же исчез, а за этим погасло и окно. Сначала я не мог понять, почему так произошло, но тут окно отворилось, в нем проглядывалась тень, заговорившая со мной шепотом, тихо, но с нескрываемыми дрожащими от возбуждения интонациями:

- Это ты?

Она подалась назад и закрыла окно. Я тоже решил отойти на несколько шагов вглубь пустыря. Ждать пришлось совсем недолго. Фигура, робко приближаясь, обретала знакомые и желанные мною очертания. Она молча подошла ко мне и постаралась обнять крепче, тщетно прилагая к этому все усилия. Для нее это было очень важно, выжать из меня хотя бы капельку тепла этими движениями, но камень – не очень-то податливая для объятий вещь.

- Я приходила к тебе этим и утром, но тебя дома не оказалось. Ключи были на месте, и из всего возможного я предполагала самое страшное, что тебя уже нет в живых. Соседи ничего не видели, только слышали грохот, и все. Хорошо, что они никого вызывать не стали. Я очень перепугалась, когда увидела открытые окна. Вглядывалась вниз, но там тебя не было. Думала, что ты ушел и уже не вернешься, но главное – ты цел и невредим. Я не знаю, как жить дальше. Без тебя. Ты ведь пришел только попрощаться, но для меня это очень важно.

Она смотрела на мое лицо, ощупывая свежий окаменевший шрам. Ее рука скользила по моей, от локтя к запястью до кончиков пальцев. Внезапно одернув ее, она с вопросительным изумлением всмотрелась в мои каменные глаза. На ладони была кровь, не ее, и уж точно не моя. Последствия недавней стычки дали всходы. Сложно назвать это ужасом, то, что было в ее глазах. Скорее, непонимание и жажда знать правду. Но голос мой сковал камень, я мог лишь тяжело нагнуться к земле и указательным пальцем нацарапать на дерне: «Прости». Нет ничего больней, чем чувство собственной беспомощности в такой

ситуации. Это было самое лучшее, на что я способен, никакой силы воли не хватит, что бы произнести хотя бы пару слов или изменить выражение глаз.

Она принялась тихо плакать. За нас обоих. Из кармана она достала ленту, которой иногда подвязывала волосы, и намотала ее на мою левую руку. После всего пережитого нами вместе, на память мне достанется лишь это. Кусок материи, завязанной в узел на моем запястье, не даст перечеркнуть мое прошлое.

Дальше стоять здесь не было смысла. Все, что мы могли друг другу сказать, сказано. Мне пора двигаться дальше, туда, где меня никто не увидит, где я не смогу причинить страдания кому-либо. Моя маленькая спутница, шелковистой походкой вившаяся у нас в ногах все это время, со свойственной ее виду нежностью призывала меня отправиться за ней. Альтернатив у меня не было, как и желания оставить ее одну, ведь только она знала кто я такой на самом деле. Мой близкий друг, пусть даже и не человек вовсе, я не могу тебя бросить, направляй меня, покажи мне грань, где начинается другой мир, не ведающий боли технического прогресса и корыстного порабощения всего живого в угоду человеческим прихотям...

...Летом рано светает, да и ночи не такие темные, как иногда того желаешь, так что мне предстояло выбраться из города еще до рассвета, во избежание даже сам не знаю чего. Мне нечего было бояться за свою жизнь, застывшую где-то на половине между мирами, а чужих мне было не нужно. Такова реальность, в которой многие даже не стараются спрятать от других глаз то, что должно принадлежать только тебе. Все напоказ, а раз так, то грош цена всему этому. Ценно лишь то, что скрыто, что есть только у тебя и о чем знаешь только ты. Люди не должны знать обо мне, им этого не нужно. Незачем будоражить их воображение и рушить привычное представление о полном контроле над собственной жизнью, окружающим миром и тщетности убеждений в возможности познания и подчинения всего вокруг.

Маячившая передо мной вечность не обещала мне, что вечен буду и я, но время, окружавшее меня, словно загустело и сделало невозможным его отчет. Может, оно вовсе повернулось вспять, и скоро мне предстоит наблюдать, как войны прошлого рушат города, как эпидемии чумы уносят целые народы, как заново открываются континенты, как восстают из пепла великие империи и религии древних веков. Все возможно в моем мире, в нем есть место всему, что для других кажется иллюзорным, плодом воображения свихнувшихся сказочников.

Деревья приветствовали меня, раскинув свои ветви. Я шел за кошкой сквозь ночь, пока она не вывела меня в поле. Я остановился прямо на окраине леса, побоявшись ступить лишний шаг вперед. Сложно было отказаться от мысли, что меня кто-то может увидеть. Шаг за шагом я чувствовал свою свободу, где нет места огням фонарей и бетонным стенам. Внутри моей свободы время меряется только движением солнца, а богатство тем, что зеленеет, цветет и дышит.

Впереди снова показалась сплошная стена леса. Когда до нее оставалось всего несколько десятков шагов, я заметил, что сквозь деревья едва уловимо пробивались желтые лучи света, игриво поглаживая листву. Кошка по-прежнему

шла вперед. Я мог доверять только ей, посему, съдаемый любопытством, но, сменив шаг и темп, приближался к полоске леса. С каждым шагом я старался идти более вкрадчиво и неспешно, перебарывая неведение, звавшее меня к себе. Когда я вошел в лес, свет стал сильнее. Это был костер на поляне, прямо на берегу реки, потрескивая, он здоровался со мной...

...Впервые огонь не был моим врагом, и мне хотелось приветствовать его, как своего друга, с которым бок о бок предстоит коротать долгие вечера в лесной глуши, горах, степях, пустынях – везде, где доведется побывать. Вопрос о том, почему он здесь горит, и кто его зажег, был вполне логичным, но опасений не вызывал. Для меня наступал период перестать удивляться всему, что увидишь, да и моя маленькая провожатая совсем не испытывала даже настороженности по этому поводу. Она знает, что тут хорошо, а значит – так оно и есть.

Я шел прямо по направлению к костру и заметил рядом небольшое старое бревно. Подойдя вплотную, я начал различать на нем странный орнамент и символы, раньше мне не встречавшиеся. Оно было испещрено ими вдоль и поперек. Я повернулся лицом к костру и всмотрелся в его раскаленную дымчатую плоть. Он говорил со мной так же, как обращается ко мне кошка, приведшая меня сюда. Слов нет – есть только звуки, значение и смысл которых не подвластны ни одному человеческому языку.

Шелест веток у меня за спиной возвещал о скором приближении кого-то, кого тут не должно быть. Так сначала казалось мне. Кошка резво сорвалась с места и бросилась этому шуму прямо навстречу. Я медлил с каким-либо движением – уходить, оставаться на месте или последовать ее примеру – но было уже поздно.

- Привет. Я ждала тебя еще вчера, но ты решил проделать путь чуть длиннее, - голос был особенный, мягкий, обволакивающий, и... знакомый.

Из леса показалась девушка, с которой и начались мои несчастья. Улыбаясь и вприпрыжку, она проскочила мимо меня, проведя рукой сначала по моей груди, а потом плечу.

- Это она мне все рассказала, - кошка проследовала за ней, - все это время тебя оберегала моя лучшая подруга.

Кошка терлась о мои ноги и довольно мурлыкала. Ее хозяйка, соблазвившая меня неделей ранее, бросила что-то в костер, сразу же обернувшийся всеми цветами радуги. От нее тоже исходило легкое свечение, едва уловимое, но наделявшее ее несравненным обаянием. Ворожея. Она моментально подчиняла себе всю злость, рвавшуюся из меня наружу. Это она во всем виновата, это из-за нее я стал таким, она лишила меня любви, жизни, сердца, счастья. Я был готов разорвать ее на клочки, но как только эти порывы гнева готовы были обернуться смертельными объятиями моих рук вокруг ее тонкой шеи, она тут же гнала их прочь из моей души одной лишь улыбкой и взглядом. Как и тогда, я не мог противиться ее воле.

Игривость, с которой она обращалась ко мне, не могла меня не тронуть. Я чувствовал себя иначе, чем той ночью, теперь уже казавшейся не такой злополучной. Ум был ясен, тело – холодно. От одного ее вида мне было хорошо,

но то не было каким-то колдовством, чем-то необъяснимым, неведомым душе наваждением, изгнавшим тогда из меня силу воли. Она обернулась ко мне спиной, лицом к костру, с которым у нее тоже были свои тайны, и что-то прошептала ему. Не поворачиваясь, она сделала пару шагов назад в моем направлении, повернула ко мне сначала голову, после развернувшись на ходу.

Босой пританцовывающей походкой, не сводя с меня своих темно-янтарных глаз, она прильнула ко мне:

- Теперь ты со мной.

Я не мог ошибиться, так говорит только любящее сердце. Но почему, почему именно так и именно сейчас, при таких обстоятельствах? Внешнее спокойствие камня для нее было не более чем стеклянным окном в мою душу. Она точно знала, что я жажду ответов на эти вопросы...

...- Мой род, он особенный. По женской линии нам передаются свойства, которых нет ни у кого. Можно называть их по-разному, у кого как хватает духу, знаний или воспитания, но суть одна – возможности творить то, что другим не под силу. Моя бабушка была такой, моя мать имела такие же свойства, такой же стала и я. Ведьма, колдунья, чародейка, заклинательница... Ворожея... – она исподлобья посмотрела на меня, и не в каменные глаза, а на то, что было за ними. Теперь ее улыбка была застенчивой, как-будто ей немного неловко оттого, что прочитала меня, как книгу, словно тихо шепча, просила у меня прощения за это. Признаюсь, я даже был рад, что чуть ли не впервые другой, а тем более малознакомый мне, человек, знает, что у меня на уме, чувствует меня даже не видя. Но мысли мои не стали от этого более сдержанными.

- Моя бабушка приехала сюда после войны из Чехии. Здесь она вышла замуж и была счастлива до конца своих дней. Ей было восемьдесят пять, когда она умерла. Ее дочь, моя мама, была у них с мужем единственным ребенком. Позже, когда я уже чуточку подросла, отношения мамы и бабушки начали портиться. Они часто ссорились, подолгу, бывало, не разговаривали. Когда мне было двенадцать, бабушка рассказала мне, что спустя почти семь лет, после рождения моей мамы, ее нашел тот, кто, как она полагала, уже был мертв, а точнее – уничтожен.

Она звала его – голем, человек из камня. Но у него было и человеческое имя, то, что дала ему его мать при рождении. Именно он спас ее во время войны, он защищал ее больше года в лесах, заботился о ней, будучи полностью предан, всегда следовал за ней. В сорок шестом она перебралась сюда, думая, что потеряла его, а он последовал за ней. Он не знал куда именно, но его как магнит тянула собственная душа, заключенная когда-то вот в это, - она достала из заднего кармана небольшую медную, окислившуюся от времени, чашку с крышкой, - тут его душа находилась до бабушкиной смерти, давая ей силы, которые унаследовала и моя мать, но та не захотела их применять. Вот из-за чего они ссорились, бабушка желала, что бы я пошла по ее стопам, а мама была против.

Мой дед знал об этом, но ему пришлось смириться с тем, что где-то, совсем рядом, человек из камня охранял жизнь своей владелицы и был готов выполнить

любой ее приказ. Когда бабушку похоронили, в чаще леса, голем навеки застыл рядом с могилой в тот же самый момент, когда открылась вот эта чаша и душа из нее вспорхнула прямо туда, - она показала пальцем на звездное небо.

- Она любила их обоих, но так случилось, что один хранил ее покой, тогда как другому была уготована судьба стать отцом моей матери, у которой голема не было, а значит, она не могла ворожить, а лишь имела возможность передать скрытые силы мне.

Все то время она кружила вокруг костра, то снова неспешно подбиралась ко мне, то отходила на другой край поляны, к берегу небольшой речки. Она была очень увлечена этой историей и могла пересказывать ее многократно, настолько красивой она ей казалась. Теперь я знал свою судьбу.

- Лишь раз каждая из нас получает шанс дать выход заложенной в ней силе. В момент потери невинности нужно прочесть любимому заклинание и через неделю он обратится в голема, а его душа станет колодцем, из которого его хозяйка будет черпать магические силы. Возможно даже, что ты подарил мне ребенка. Как знать...

Неужели любовь на такое способна? Мне было невыносимо только от одной мысли, что она всему виной. Неужели это чувство настолько сильно, что любящий человек способен обратить любимого в камень, заточив его душу на долгие годы?

- Да, ты здесь, потому что я люблю тебя и буду любить всегда. Ты будешь вечно со мной, моей первой любовью, самой трепетной и нежной. Это не темница, а ты не в заточении. Покинув это тело, твоя душа соединится с моей, и в этом сплетении родится неведомая никому сущность, заставляющая говорить с тобой деревья и животных. Наши руки будут осязать нити чужих судеб, а глазам откроется невидимый мир, над которым не властны все людские законы.

Мне показалось, что по ее щеке потекла слеза. Я не видел этого, но я знал. Она обнимала меня, такая хрупкая. Я почти уловил ее тепло. Это не было иллюзией. Она отошла от меня, медленно пятясь назад, повернулась и стянула с себя всю одежду.

- Мне нужно смыть слезы.

Она побежала в сторону речки и плюхнулась в воду...

... Не так давно я видел новость, о группе ученых с гордостью заявлявших о создании самого умного и технологичного на сегодняшний день робота. Он мог говорить и отвечать на вопросы, ходить, бегать, жать руки, приветствуя человека. Они действительно этим гордились – «оживили» грудку металла, пластика и проводов. Наш мир безнадежно испорчен техническим прогрессом, вытеснившим из человека природу, заставив позабыть его родство с ней. Жизнь становится лучше, жить становится легче, ведь мы обитаем в «умных» домах, где за нас все делает компьютер. Робот заговорил, а мы величаем это чудом. Мы восхищаемся учеными, открывшими новый вид излучения, объясняющий устройство «черных дыр», но почему-то мне на это плевать. Все усилия человека направлены на постижение окружающей нас вселенной? Тогда объясни, как любовь оказалась способна обратить меня в камень, в скором будущем

собираясь отделить от него и мою душу? Постигая что-либо, человеку необходимо это разрушить, иначе он и не может. Когда-нибудь настанет предел знаний, поскольку разрушать уже будет нечего. И все мы поплатимся за эту тягу.

Я сидел на бревне и сквозь огонь видел, как из серебристой воды выходит нагая девушка, выжимая свои волосы. Ее белая мокрая кожа блестела в свете Луны, а в глазах были огоньки костра и пляшущие тени. В ней было то, что люди стремились искоренить в себе, отвоевывая у своего прошлого все новые пространства и забивая его ненужным хламом, который они меняют на цветные бумажки. Мы находились в центре природы, а все ее чувства и силы сейчас умещались в этом создании, надевавшем на мокрое тело свои джинсы и майку.

Только в ней билось настоящее сердце, и только в ней кровь была такой, какой ее наделила природа. Иное течение жизни в ней придавало сил не только ей самой, но и мне, и ее кошке, огню костра, деревьям. Это мир, казавшийся куда более настоящим, чем надвинутый нам на глаза, терял нас, а мы теряли его. Она никогда бы не стала напрасно растрчивать то, что было дано ей от рождения, и что с такой легкостью променяли все остальные на электричество и жвачку. Вся живая гармония сейчас жила в кошке, каменном человеке и в ней, неидеальной, но беззаветно преданной своему естеству, целительной силой, проистекавшему из нее. Она была не в силах предать свою природу, но хотела сохранить ее, держа втайне от всех. Таково оно, самое дорогое, что в нас есть. И именно это мы должны скрыть, то, что невозможно измерить приборами и понять рационально.

Вам нужно совершенство? Так вот же оно, лежит на траве и мурлыкая облизывает свою лапу, зелеными глазками-фонариками глядя на свою хозяйку, которая подошла ко мне и отвязала ленточку с моей руки, лишив меня памяти о прежней жизни – она тут же полетела в огонь и вспыхнула синим сполохом. Скоро не станет нас, и никого, кто мог бы воочию увидеть тусклое свечение вокруг наших силуэтов, как знак принадлежности к иному, иллюзорному для человечества существу, объединяющего в себе все, что становилось ему чуждым.

Моя хозяйка держала в руках медную чашку с липкой и вязкой жидкостью, окунала в нее свои пальцы и размазывала ее по моему телу – последнее приготовление перед тем, как отделить меня от каменной оболочки, которая после этого должна была стать ее големом. Именно ему теперь предстояло хранить секреты всего живого, собранные в одном его творении, с мокрыми черными волосами, мягкими едва розовыми губами и темными с оттенками янтаря глазами, которые были последним, что я видел, перед тем, как утонуть в них.